

Сценарий для участников-мужчин взяли из популярной дорамы, сочетавшей элементы сянся и уся. По сюжету главный герой сталкивался с вражеской погоней, высланной злодеем для его поимки, и давал решительный отпор: взмывая в воздух и осыпая противников ударами, он раскидывал преследователей одного за другим.

Весь текст уместился на двух страницах. Не считая пары фраз, которые герой бросал перед началом схватки, все остальные реплики сводились к выкрикиванию названий приёмов — проще некуда.

Однако чем проще кажется задача, тем сложнее получить за неё высокий балл. Даже попытка в точности повторить оригинальную хореографию боя загнала многих ребят в тупик.

Оказавшись в воздухе на страховочных тросах, некоторые не то что двигаться — даже равновесие удержать не могли. Большинство беспомощно болтались под потолком, словно мешки с песком, не в силах вымолвить ни слова, не говоря уже о том, чтобы крутить сальто с помощью лонжи.

У Шао Жаня боязнь высоты проявилась в ту же секунду, едва его ноги оторвались от пола; парень едва не лишился чувств. Сун Сюйяну пришлось чуть легче — он неплохо владел своим телом, но из-за зажатости и скованности движений его исполнение всё равно не дотягивало до нормы.

А вот Чжоу Чи и Ху Имин, уже имевшие дело с лонжей на съёмках клипов и натренированные сложной хореографией айдол-групп, чувствовали себя куда увереннее остальных участников.

Постановщики трюков, которых продюсеры выписали за баснословные деньги, работали над оригинальной дорамой. Посмотрев на первые попытки конкурсантов, один из них подошёл к администратору площадки:

— С такими темпами за три дня мы и близко не приблизимся к уровню оригинала.

— Они же новички, — отмахнулся тот. — С чего бы им всем работать как профессиональные каскадёры? К тому же это конкурс, главное — распределить места.

Разумеется, ни о какой справедливости здесь речи не шло. Опытные участники получили ровно столько же времени на подготовку, сколько и абсолютные новички. Похоже, организаторы умышленно выравнивали шансы, чтобы подтасовать оценки в соответствии со своим тайным сценарием.

Нанятые мастера не первый день варились в шоу-бизнесе и прекрасно понимали правила игры. Они лишь молча переглянулись с преподавателем актёрского мастерства, благоразумно придержав языки.

Когда постоянно сталкиваешься с изнанкой телевидения, чувства притупляются. Подавив вздох разочарования, постановщики решили просто сделать всё возможное, чтобы облегчить задачу новичкам во время тренировок.

— Не принимай всё так близко к сердцу, — подбодрил один из тренеров в чёрном костюме.

Он заметил, как последний оставшийся участник, Чу Цинюнь, с сосредоточенным видом укладывает под страховочный пояс мягкие подкладки, в чём ему усердно помогал ассистент. Тренер подошёл ближе:

— Высоко поднимать не будем. Самое сложное здесь — крутануть сальто и сойтись ладонями с массовой, зависнув вниз головой. К этому быстро привыкаешь.

— Мастер, — обратился к нему Цинюнь.

Пока они разговаривали, заботливый Си Тун успел втиснуть ему под пояс столько поролона, что талия юноши стала казаться неестественно широкой.

Чу Цинюнь мягко отстранил его, вытащил пару лишних кусков и спросил тренера:

— Я вчера просматривал запись этой боевой сцены. Подскажите, при её монтаже использовали ускорение?

— Нет, обошлись без этого, — гордо ответил мужчина. — У исполнителей главных ролей и массовой была отличная физическая подготовка. Мы оттачивали эти связки с режиссёром несколько дней, а саму сцену сняли с десятого дубля. Насчёт массовой можете не переживать: с вами будут работать те же ребята из нашей каскадёрской команды.

Постановщик негромко вздохнул. Экшен на экране — это не просто диалог отыграть, тут фальшь видна сразу. Требовать от вчерашних дебютантов за три дня добиться уровня профессиональных каскадёров — откровенное издевательство со стороны продюсеров.

Юноша согласно кивнул:

— Я слышал, что выступления будут записываться на фоне хромакея, а затем, после быстрого монтажа, оцениваться вами и мастерами актёрского мастерства. Раз уж допускается склейка, почему бы не разбить сложные связки на фазы? Их можно снять в замедленном темпе, ускорить на постпродакшене, а промежуточные крупные планы лиц доснять отдельно. Если использовать одинаковые ракурсы и схему монтажа для всех, условия останутся равными.

Снимать боевые сцены по частям с последующим ускорением — стандартный кинематографический приём. Разумеется, такой эрзац-экшен уступал бы живому, кропотливо выверенному оригиналу.

Но для новичков, зажатых в тиски трёхдневного лимита, подобная хитрость стала бы спасением. Она сгладила бы технические огрехи, снизила травмоопасность и при этом позволила бы объективно оценить пластику и координацию каждого участника.

Глаза постановщика трюков загорелись. Стоявшие неподалёку конкурсанты, услышав это предложение, тоже уставились на него с робкой надеждой.

Однако всё было не так просто.

— Ты сам до этого додумался? — с любопытством спросил мастер. — Раньше снимался где-то? Рассуждаешь очень профессионально.

— Нет, опыта съёмок у меня нет, — ответил Цинюнь. — Просто кажется, что правила шоу слегка переоценивают наши возможности.

— Идея превосходная, — со вздохом признал мужчина. — Но это конкурс. Наша цель — не создать безупречный фильм, а выставить оценки. Даже если вы все выступите из рук вон плохо, нам всё равно придётся распределить вас по местам.

Впрочем, глупо было думать, что опытные продюсеры не догадались до столь очевидного решения сами. Раз они выбрали сложный путь, значит, у них были свои мотивы.

Постановщик мысленно пожалел толкового парня. В подобных шоу такие инициативные одиночки чаще всего становились первыми жертвами закулисных интриг.

— Что ж, я вас понял, — спокойно кивнул Чу Цинюнь.

На его лице не отразилось ни разочарования, ни досады. Чего нельзя было сказать о притихших рядом участниках: те только что спустились с тросов, где выставили себя полными неумехами, и упрощение задачи было для них буквально вопросом выживания.

Тем временем в комментариях разгорелся настоящий пожар.

[Ну и где те фанаты, что кричали о страсти Чу Цинюня к искусству? Просить облегчить жизнь за счёт монтажа — это теперь называется преданностью делу?]

[Человек же ясно сказал: ради справедливости! Вы не видели, как остальные на лонже болтаются? Если не монтировать, мы три часа будем смотреть на конвульсии сосисок в воздухе?]

[Продюсеры — мусор. Что за идиотский сценарий они подсунули новичкам?]

[Ой, как запахло жареным, сразу запел про несправедливость. А когда крутил задом в ципао ради хайпа, всё устраивало?]

[Предыдущий оратор, ты больной? Зачем трогать образ Юэжу? Когда шёл выбор костюмов, вы что-то не сильно возмущались.]

[Согласен, пахивает банальной завистью. Стал бы он предлагать это, если бы не увидел, как круто справляются Чичи и Ху Имин?]

[Так условия реально неравные! В женской группе та же история: пропасть между любителями и теми, кто уже снимался. А у Шао Жаня вообще паническая боязнь высоты, её за три дня тренировок не вылечишь.]

[Да просто этот Чу не переносит чужих успехов! Когда ему самому пёрло, про честную игру он не заикался. А тут вдруг вылез. Те, кто поумнее, давно всё поняли.]

[Слушайте, откуда этот бред про везение? В первый раз он едва руку не угробил, во второй — взял ципао, от которого все плевались, и сутками ковылял на шпильках, чтобы сделать эти несколько шагов идеальными! Когда его заставили делать полную эпиляцию и втихую подменили очерёдность выступлений, никто почему-то не кричал: «Ой, какой везунчик!»]

[Плюс один. Постоянно смотрю его стрим. Парень притягивает неудачи как магнит. У остальных шоу талантов, а у него — симулятор выживания.]

[Невезение — показатель паршивой кармы и характера. Вот Чичи ко всем с открытой душой, поэтому фортуна ему и улыбается.]

В объективах камер тем временем показался висящий над полом Чу Цинюнь — его приподняли примерно на метр.

— Не бойся, дыши ровнее, — командовал снизу постановщик трюков. — Попробуй поднять руки и наклонить корпус вперёд. Твоя первая задача — перевернуться в воздухе, ты...

Договорить он не успел. Юноша послушно пригнулся, подтянул колени к груди и с кошачьей лёгкостью крутанул идеальное сальто назад.

Без малейшего замаха или колебаний, стремительно и плавно, словно сила притяжения на него не действовала.

У каскадёра отвалилась челюсть.

Чат замер в немом шоке.

Остальные участники вытаращили глаза.

Большинство ребят в душе полностью разделяли его предложение об упрощении съёмок. Но под прицелом объективов никто не решился пойти наперекор руководству. Они трусливо молчали, мысленно успокаивая себя тем, что раз уж сам Чу Цинюнь заговорил об облегчении правил, значит, он точно так же боится высоты и не умеет работать на тросах. «Мы все в одной лодке», — думали они.

И как же больно было обнаружить, что этот парень двигается в воздухе с лёгкостью циркового гимнаста!

Почувствовав послушность собственного тела, Чу Цинюнь мысленно выдохнул.

Физическая форма нового тела оставляла желать лучшего — из-за болезненной худобы он всерьёз опасался, что ему элементарно не хватит сил взмахнуть руками. К счастью, мышечная память не подвела: тело, пусть и истощённое до предела, безупречно выполнило внутреннюю команду.

Спустя пару секунд оцепенения постановщик трюков махнул операторам лебёдки, прося немного спустить юношу:

— Ты... ты точно никогда не работал на лонже?

— Ни разу, — покачал головой Цинюнь. — Разве что в детстве занимался танцами и любил прыгать на батуте. Наверное, это помогло сориентироваться в пространстве.

Наставник ошеломлённо уставился на него, медленно мотая головой.

Такую пластику невозможно симитировать с ходу. Дело не только в жёстких ремнях, немилосердно врезающихся в рёбра и бёдра, но и в колоссальной нагрузке на вестибулярный аппарат. Постановщик велел пригнуть корпус лишь для того, чтобы парень размялся и привык к ощущению невесомости. В норме без рывка лебёдки обычный человек физически не способен выполнить чистое сальто в статичном подвесе!

Провернуть такое с первой попытки... Тут явно крылось нечто большее, чем просто «детские занятия танцами».

Автоматика лебёдки слишком неповоротлива для тонкой динамики боя, поэтому большинство сложных кульбитов обычно корректируется вручную каскадёрами на земле. Первую группу участников подняли чисто для ознакомления, используя автоматический режим. Поразмыслив, постановщик подозвал команду натяжения тросов:

— Приготовиться. Давайте попробуем отработать фазу пикирования.

Затем он снизу крикнул Чу Цинюню:

— Справишься? Не бойся, страховка продублирована, лебёдка тебя задержит. Парни будут плавно стравливать трос, а я встану внизу вместо каскадёра массовой. Попробуй нанести мне нисходящий удар ладонью.

По сценарию герой взлетал, переворачивался в воздухе лицом к земле и в стремительном вращении обрушивал сокрушительный удар на преследователя. От актёра требовалось сочетать невозможные вещи: парящую, почти божественную лёгкость движений и яростную, сокрушительную силу атакующего броска.

Именно на этом элементе Шао Жаня задрали слишком высоко, из-за чего у несчастного случился приступ паники.

Цинюнь глубоко вздохнул и сделал знак готовности:

— Попробуем.

Четверо каскадёров на натяжении, привыкнув, ухватились за канаты, ожидая привычного сопротивления веса взрослого мужчины. Они навалились со всей силы — и взметнули пушинку Чу Цинюня вверх с такой лёгкостью, что от неожиданности чуть сами не повалились назад. Трос натянулся, и юношу по инерции унесло далеко в сторону.

Чу Цинюнь лишь молча застыл в воздухе, ожидая, пока прекратятся колебания.

К счастью, высоты он не боялся. Будь на его месте тот же Шао Жань, бедолага точно лишился бы чувств от подобной амплитуды.

Внизу Си Тун свинцовым взглядом прожигал виновников инцидента. Он медленно подошёл вплотную к каскадёрам, заставив тех виновато отводить глаза.

— Позвольте мне тоже встать на трос, — тихо, но твёрдо произнёс он.

Мужчины, ожидавшие справедливой взбучки и ругани от менеджера, озадаченно переглянулись.

— Эй, парень, тут своя специфика, — попытался урезонить его старший смены. — Нужна синхронность. Без сноровки ты только руки себе в кровь содрёшь, да и координацию парню собьёшь.

— Не переживай, страховочный блок всё компенсирует, актёр не пострадает. Предыдущий рывок — просто чистая случайность, не рассчитали вес, — поспешно добавил он, желая замять неловкость.

Си Тун даже не подумал отойти. Он остался стоять рядом, скрестив руки на груди. Ни слова не говоря, он неусыпно следил за каждым движением каскадёров, переводя тревожный взгляд с натянутых канатов на висящего под куполом юношу.

Под этим тяжёлым, гипнотизирующим надзором рабочие почувствовали колоссальное давление. Поохолодев спиной, они разом подобрались и вцепились в канаты мёртвой хваткой, напрочь забыв о всяких перекурах.

Когда Чу Цинюня доставили на исходную позицию высотной платформы, постановщик трюков прокричал снизу:

— Пока без вращения! Сейчас они резко сбросят натяжение. Твоя задача — держать спину, сгруппироваться и нанести прямой удар вниз. Не бойся задеть меня, бей в полную силу, я подстроюсь под твой темп!

Сверху юноша молча показал лаконичный жест согласия.

Си Тун смотрел на него снизу вверх. На его губах заиграла едва заметная, мягкая улыбка, а в глубине повлажневших глаз затеплились бесконечная гордость и нежность.

Стоящий рядом каскадёр невольно хмыкнул про себя: «Теперь понятно, почему он над ним так трясётся». За долгие годы работы в киноиндустрии он повидал сотни ассистентов, но такого фанатичного обожания не встречал ни разу. С такой миной отцы обычно смотрят на первое выступление своего единственного чада.

— Поехали! Три, два, один... Сброс!

По сигналу каретка лебёдки рванулась вперёд, а держатели тросов синхронно пробежали несколько шагов, гася излишнюю инерцию.

Под дружный вздох толпы Чу Цинюнь плавно перевернулся в воздухе вертикально вниз, безупречно удерживая равновесие. В его взгляде не было и тени паники — лишь ледяная сосредоточенность персонажа. Почти у самой земли он вытянул руку и нанёс выверенный, хирургически точный удар открытой ладонью прямо перед лицом наставника.

В дециметре от деревянного настила каскадёры со снайперской точностью зафиксировали натяжение, остановив его падение.

Даже профессионалы знали, как тяжело зависнуть головой вниз, когда вся твоя опора — узкий

ремень на пояснице. Требуется нечеловеческая сила мышц кора, чтобы удерживать идеальную прямую линию и не болтаться тряпичной куклой. Но этот юноша выполнил трюк безукоризненно.

Не будь это лицо столь изысканно-красивым и хрупким, постановщик трюков решил бы, что перед ним стоит тот самый каскадёр-ас, снимавшийся в оригинальной версии.

— Невероятно, у тебя настоящий талант! — потрясённо выдохнул мастер. — Эта сцена состоит всего из пяти-шести связок. Раз уж ты без труда взял самый сложный элемент, остальные пройдёшь играючи.

— Я сгруппировался не до конца, колени ушли в сторону, — недовольно нахмурился Цинюнь, проигнорировав похвалу. — Можно повторить дубль?

Стоявшие поодаль соперники мысленно взвыли от такой несправедливости.

«Это, по-твоему, плохой дубль?! Хватит так откровенно издеваться над нами!»

<http://bllate.org/book/20480/2214270>